

27 МАЯ 40

Мастера ленинградского балета

Балет — императорский санит-петербургский и московский балет — являлись самостоятельными, своего рода «автономными» «двигателями». Если Петербург завоевал успех у москвичей, говорили: «их успех», а про свой — «наш успех». Точно так же, как говорили в Петербурге: их театр, их балерины, их постановка... Короче, каждый коллектив вел самостоятельную жизнь, интересуясь только своим балетом, ревниво оберегая «пальму первенства» свои кумиры от посягательства чужих балерин. Ближними гастрольными «подопечными» иной раз попадали под «облава» поминников той или иной местной примдонны. Известный хореографический критик А. Плещеев в своей книге «Наши балеты» вспоминает о случае с петербургской балериной В. Н. Андришиной, которая, приехав на гастроль в Москву, стала жертвой ревнивых почитателей московской балерины Салтыковской.

«Андришину, — пишет Плещеев, — она сама приняла в Москве радушно, но в конце концов возбуждение партии Салтыковской дошло до того, что петербургской танцовщице начали шкатулы».

Так было во времена императорского придворного балета, во времена, когда общество смотрело на своих балерин как на забаву.

Великая Октябрьская социалистическая революция смела «придворно-сиксидонские» отношения к артисту. Балет за годы революции стал достоянием широчайших народных масс, любимым искусством нашей советской аудитории. Стерлось и отошло в предание самое понятие — наш балет и их балет. Оба величайших коллектива Москвы и Ленинграда живут полнокровной творческой жизнью, обслуживая одним общим интересом. Вот почему нынешний приезд ленинградского балета в Москву, тот горячий прием, который оказала ему наша красная столица, нам, москвичам, так же дорог и близок, как и ленинградским товарищам.

Ленинградские театры, предостерегаемые в Москве, со всей полнотой показали, как благодаря заботам нашей партии и правительства пышно расцвело творческое мастерство любимого всеми нами города Ленина. С неослабавшим интересом мы смотрели спектакли наших гостей. Для многих из нас, работников Большого театра СССР, последние постановки ленинградского балета явились совершенно новыми, о которых мы могли судить только из печати. Поэтому, увидя воченью такие постановки, как «Ромео и Джульетта», «Лауренсия», «Сердце гор», мы со всей полнотой можем сейчас судить о том, как полноценна и ярка творческая жизнь балетного коллектива Театра имени С. М. Бирова, как расцветают дарования артистов и балетмейстеров, как широко представляется им возможность развивать свои дарования.

Ленинградский балет всегда славился своей совершенной техникой танца. Во время гастрольей мы увидели, как образ в балете, его драматическое впечатление вошли во главу угла искусства танцующих. В настоящий момент их блестящая техника представляет собой могучее средство, при помощи которого с максимальной полнотой передаются чувства и даже мысли героев. Эти черты особенно ярко проявились в спектакле «Ромео и Джульетта», где мы видим единую цепь замечательных пластических образов, разрешенных исключительно хореографическим приемом.

Постановщик спектакля Лавровский показал себя выдающимся, глубоко художником.

Что сказать о Галине Улановой — этой замечательной артистке нашей современности? Ее творчество — это своеобразная хореографическая «Песнь песней».

Вальмовое впечатление произвел артист Сергеев. Прекрасный танцовщик, он доказал, что его диапазон очень широк, что его драматический талант не уступает хореографическому. Новый для москвичей артист Гербеа в роли Тибальда проявил крупное драматическое дарование. Понимая с Меркулио (роль, блестяще сыгранная артистом Лопуховым) — замеча-

тельный момент в спектакле как по исполнению, так и по режиссерской постановке.

Балеты «Лауренсия», «Сердце гор» — это большое, яркое полотно, по которым вытканы чудесные цветы творческой фантазии балетмейстера Вахтанга Чабукяни. «Лауренсия» — это джукий, солнечный праздник танца, танца, в большинстве построенного на драматической ситуации. Правда, не всегда и не во всем этот танец оправдан, зачастую он оторван от действия. Но хореографическая часть так великолепна и богата выдумкой, что прощай некоторую танцевальную «перегретку».

Артистку Дудинскую мы видели раньше в других балетах. Но нигде так ярко не проявила себя артистка, как в спектакле «Лауренсия». Здесь Дудинская стоит на предельной высоте исполнения, особенно в хореографической части. Вечеслова — артистка большой выразительности и яркой, уверенной техники. Она так обаятельна в роли Паскуали, что невольно удивляешься, как «командер» в балете мог остаться равнодушным к этой чудесной, пламенной девушке. Большая глубина заложена в творческой природе Чкавадзе. Во Улановой — замечательному трагична и вместе с тем удивительно трогательна.

Разве мыслимо в одной статье рассказывать о чудесном даровании Нордаа, Балабинной, Шелест, Стуколкиной, Анисимовой, артистов Корень, Филлера, Гофмана, Пущкина. Это — «золотой фонд» прекрасного ленинградского балета.

В «Сердце гор» Вахтанг Чабукяни с большим художественным вкусом использовал подлинно народный фольклор, окантовал его в чудесные рамки хореографической культуры. О Вахтанге Чабукяни, как о танцовщике и артисте, можно писать целые фолианты. К подлинным хореографическим шедеврам нужно отнести его вариации в «Сердце гор», где он, подобно герою ому, парит в воздухе. Когда Чабукяни в конце танца поспе стремительных кругов падает на колени перед любимой девушкой Маннже, — этот момент по своей драматической силе забыть нельзя. Об одном этом танце можно написать книгу.

Чабукяни олицетворяет собой мужественное начало, героическую стихию, пламя творческого темперамента. Успех его у советского зрителя — это не обычный успех блестящего танцовщика. Этот успех гораздо глубже, ибо он доказывает, как всем существом своего дарования Чабукяни близок и родственен нашей героической советской эпохе.

Показ ленинградского балета Театра имени С. М. Бирова, его огромный успех мы, москвичи, воспринимаем как общий успех нашего замечательного советского хореографического искусства.

Викторина КРИГЕР